

КРИСТИНЕ НЕСТАНИНГЕР

ИСТОРИЯ ОДНОЙ СЕМЕЙКИ

Встречное движение

Кристине Нёстлингер
История одной семейки

«Самокат»

1984

Нёстлингер К.

История одной семейки / К. Нёстлингер — «Самокат»,
1984 — (Встречное движение)

ISBN 978-5-9175-9563-4

Ольфи – четырнадцать и он единственный мужчина в своей огромной семье, состоящей из одних женщин. Однажды ему на глаза попадает странная заметка, в которой говорится, что дети, воспитываемые исключительно мужчинами, демонстрируют существенно более высокий интеллектуальный потенциал, чем дети, воспитываемые женщинами. Ольфи полон решимости все изменить и отправляется на поиски своего родного отца, которого никогда не знал.

ISBN 978-5-9175-9563-4

© Нёстлингер К., 1984

© Самокат, 1984

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Кристине Нёстлингер

История одной семейки

Глава 1

В которой я нахожу достаточно убедительный довод и заставляю на время умолкнуть возмущенный семиголосый хор

Несколько недель назад, где-то в середине марта, на уроке математики я лениво листал журнал «Скорая психпомощь», который выписывает Аксель, мой сосед по парте. Аксель непременно хочет докопаться до всех странностей человечества и вывести его на чистую воду. На предпоследней странице, в «Новейших исследованиях в двух словах», я наткнулся на заметку до того интересную, что громко присвистнул – у нашей математички Сузи-Гипотенузи от испуга даже выпал из рук угольник, и линия b пошла не параллельно a , а врезалась в нее под углом почти в тридцать градусов.

Сузи развернулась к классу и рявкнула:

– Кто это был?

Вообще-то я совсем не из тех, кто сразу во всем признается. Но ни о чем другом, кроме заметки в психжурнале, я и думать не мог, поэтому вдруг поднял руку и быстро сказал:

– Извините, это я не нарочно. Просто вздохнул поглубже. И чего оно так засвистело – ума не приложу!

Наша Гипотенузи не избалована ответами на вопросы типа «кто это был?», а уж честными ответами и подавно.

Она удивленно посмотрела на меня, покачала рыжей головой, пробормотала что-то невнятное, снова повернулась к доске и вытерла рукавом рабочего халата скособоченную линию (тряпки у нас в классе нет), а я шепотом спросил Акселя, нельзя ли вырвать из журнала страницу с «Новейшими исследованиями». Аксель конечно же не разрешил – он ведь самый мелочный и жадный субъект в мире! Попробуйте попросить у него бумажный носовой платок – и он расстанется с ним только под дулом пистолета, а на следующий день затребует свежий взамен.

Шутки ради в прошлом году я стрелял у него в день по одной сморкалке. А взамен ни разу ничего не отдал. С каждой неделей Аксель становился все приставучей и назойливей!

«Ты мне уже семь платков должен!» – ныл он.

Или: «Верни мне четырнадцать платков!»

Или: «Эй, с тебя уже целых тридцать три платка!»

И плевать ему было, что он выглядит дурак дураком!

К концу учебного года на моем счету было уже двести сорок восемь сморкалок. Когда я, ухмыляясь, вручил Акселю рулон бумажных полотенец и сказал, что если посчитать по квадратным метрам, этого с лихвой хватит, чтобы расплатиться с моими долгами, он в отчаянии злобно плюнул мне под ноги.

Зачем он этой осенью снова уселся со мной за одну парту – до сих пор не понимаю.

В общем, раз Аксель не дал вырвать из журнала страницу, я пошел на перемене к школьному завхозу – откопировать ее. Ну а чтобы не платить за копию, я ему соврал, что меня послала доктор¹ Надерер, наша учительница по немецкому.

Завхоз решил, что это будет раздаточный материал для урока, и сделал тридцать копий. Сообщение, из-за которого я так подорвался, было вот какое:

НЬЮ-ЙОРК / США

Американские супруги-психологи Марга и Иов Гольдман в ходе масштабнейших исследований с участием 3000 человек выяснили, что дети, воспитываемые исключительно мужчинами, демонстрируют существенно более высокий интеллектуальный потенциал, чем дети, воспитываемые женщинами.

Заметка была на вес золота – ведь меня как раз накрыл очередной кризис. Точнее сказать: вся взрослая шайка-лейка вокруг загнала меня в очередной кризис. Первичным был кризис «англо-латино-математический». На его почве возрос вторичный, домашний, из серии «обвиняльно-угрожающе-ругательно-просительных».

И все это венчалось третичной стадией, на которой я и почувствовал себя исключительно хреново.

На первый взгляд, мое хреновое самочувствие происходило из того прискорбного факта, что вот уже несколько месяцев кряду я не демонстрировал должных успехов на ниве школьных трудов, но если проанализировать все поглубже, то должен признаться: полное отсутствие успехов в школьном секторе меня ничуть не смущало. Да по барабану мне эти успехи! Мне до того плевать на оценки, что на последней контрольной по латыни я даже не потрудился нагнуться за шпаргалкой, которую перебросила Анетта.

Больше всего я хочу отрастить длинную седую бороду – правда, у меня еще не растет никакая – и проникнуть в какую-нибудь богадельню. И сидеть там в кресле-качалке, закрыв глаза и сплетя на животе трясущиеся руки. И пусть меня никто не навещает и не разговаривает со мной, я буду только сонно глядеть на этот мир сквозь полужакрытые веки. И пусть санитар три раза в день приносит супчик – вот и вся моя мечта! Большого и не надо! А всякие там жизненные свершения мне еще не по плечу.

Правда, я понятия не имею, как четырнадцатилетнему мальчишке попасть в дом престарелых, и потому решил, что журнальная заметка хоть как-то поможет мне в трудную минуту.

Придя домой после школы, я жирно обвел красным фломастером сообщение из Нью-Йорка. А потом прикрепил кнопками три копии на кухонных шкафчиках. Еще один листок приклеил на зеркало в прихожей, другой – на двери туалета, третий – на сливной бачок в туалете наверху, четвертый – на кафель в ванной внизу, пятый – на полки с зубной пастой в ванной на втором этаже. И еще по одному листку положил на постели мамы, бабушки, тети Феи, тети Труды, тети Лизи, Андреа и Дорис. А оставшиеся пять бумаженций прикрепил скотчем, чтобы не повредить новых обоев, в гостиной на видных местах. Тетя Фея ковыляла за мной, пока я развешивал листки, и не переставая спрашивала:

– Ольфичка, что ты делаешь? Ольфичка, что тут написано? Ольфичка, зачем ты обвел все красным фломастером?

Тетя Фея – сестра моей бабушки, моя двоюродная бабка, в общем. Ей уже за семьдесят, и она хромает с тех пор, как попала в аварию на велосипеде лет шестьдесят назад. Поэтому ни у меня, ни у моих сестер Дорис и Андреа никогда в жизни не было велосипеда, – чтобы нам тоже не пришлось всю жизнь прохромать.

¹ Так в Австрии обращаются к тем, кто имеет докторскую степень. – Здесь и далее прим. перев.

– Фея, прочитай, тогда и поймешь! – сказал я добродушно.

Правда, тетя Фея никогда ничего не читает – ей все нужно зачитывать вслух. Мама говорит, что раньше, когда еще не было телевизоров, она хотя бы просматривала заголовки в газетах. Но с тех пор как у нас в доме появился ящик, она не устаивает взглядом ни одной буквы. Дорис считает, что читать тетя Фея давно уже разучилась.

Мне совсем не хотелось зачитывать Фее свое объявление, ведь из всех домочадцев ее это касалось в последнюю очередь, – как раз она-то оставляет меня в покое, по крайней мере в том, что касается школы.

– Да неважно это, Фея, – пробормотал я и пошел в свою комнату. А она ковыляла за мной и причитала:

– Но, Ольфичка, если неважно, зачем тогда ты все это развесил?

Я закрыл дверь у нее перед носом, кинул пластинку Константина Векера на проигрыватель, а себя – на постель.

То, что Фея вломится ко мне, дабы расспрашивать дальше, было исключено. На двери моей комнаты висит старая жестяная табличка «ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН!» Тетя Фея – единственная из нашей семьи, кто держит себя за «постороннюю».

Кстати, меня зовут, конечно, вовсе не «Ольфичка». А также не Ольф, Ольфинька и уж совсем не Ольфус, как любит называть меня моя бабушка.

Меня зовут Вольфганг. Когда я был румяным карапузом, мне никак не давалась буква «в», и если кто-нибудь спрашивал, как меня зовут, я, по словам домашних, якобы отвечал «Ольфганг».

Мои многочисленные нянюшки этому так умилялись, что и сами стали звать меня исключительно Ольфганг, или Ольфи, или даже Ольфус. В общем, ничего удивительного, что букву «в» я научился произносить ужасно поздно!

Я провалялся в постели до вечера и только раз в двадцать пять минут поднимался, чтобы завести пластинку снова. Я частенько часами гоняю одну и ту же сторону. Правда, только во второй половине дня, когда кроме меня и тети Феи ни одной живой души дома нет. Тетя глуховата и музыку не слышит – хоть на полную катушку включай. Остальные же сразу поднимают крик. Они вваливаются ко мне, орут, протестуют, говорят, что сойдут с ума, вечно слушая одни и те же шесть песен, и требуют, чтобы я надел наушники или прикрутил громкость. И доказывают этим окончательно и бесповоротно, что у них нет чувства прекрасного. Музыка должна грохотать и пульсировать! Музыка должна грохотать так оглушительно, чтобы вся комната пропитывалась ею, чтобы можно было нырнуть в нее и плыть в самой ее середине, словно ты рыба, а музыка – вода! С наушниками, даже если увеличить громкость, этот номер не пройдет, потому что стереоэффект через эти штуки никак не передается – на мой взгляд, во всяком случае.

Уже смеркалось, когда мама распахнула дверь моей комнаты. Она прошагала к проигрывателю, выключила его, помахала у меня перед носом одной из откопированных журнальных страниц и спросила:

– Эй, Ольфи! Какого черта ты завесил этими штуковинами весь дом?

Больше всего мне хотелось промолчать, потому что я просто ненавижу, когда кто-то вот так по-хозяйски вламывается в мою комнату без стука и, не спросив, жмет на кнопку «Выкл.». Но воспитательного эффекта ради я подавил раздражение, чуть-чуть приподнялся в постели и сказал:

– Прочти то, что обведено красным!

– Да уж прочла, – сказала мама. – Представляешь, сама догадалась!

– Это объяснение моему плачевному кризисному состоянию, – сказал я и снова вытянулся на кровати. – Гены-то и так подкачали, да еще воспитание исключительно бабское.

Я закрыл глаза и начал перечислять:

– Бабушка – одна штука, двоюродная бабушка – одна штука, тети – две штуки, мать – одна штука, старшие сестры – две штуки.

Я вздохнул.

– Оболваненный в седьмой степени...

Я зевнул.

– И даже по большим праздникам ни штучки мужчины в доме, никакого мало-мальски завалящего мужчинки, который мог бы хоть немножко делать из меня человека!

Я сцепил руки на груди. Хотя сейчас мерку для гроба снимай.

– Ты это серьезно, Ольфи? – спросила мама.

Я не удостоил ее ответом, даже не кивнул. Иногда – так я считаю – глухое молчание убеждает больше, чем самые искусные доводы.

Похоже, на маму это произвело впечатление. Потому что она засопела. Она всегда так делает, если совсем запуталась и ей нечего сказать. Терла ли она указательным пальцем нос, как обычно, когда запутанность и растерянность достигают апогея, я не видел, но ставлю десять против одного, что нос у нее весь покраснел от натираний, пока она созерцала своего готового к положению во гроб сына.

Сначала слышалось только сопение, а потом мама сказала:

– Кажется, ты это серьезно, Ольфи.

Я прикинул, что лучше – и дальше притворяться трупом или заговорить, но так и не успел решить, потому что услышал шум. К моей комнате с разных сторон быстро бежали. Одной из этой толпы точно была моя сестра Дорис, потому что я услышал ее громкий визгливый голос:

– Кто, к лешему, развесил везде эту фигню?

Потом послышались прихрамывающие шаги, и тетя Фея сообщила:

– Это Ольфичка! Только он мне не сказал, зачем он это сделал!

Тут все разом вломились ко мне в комнату, и сестра Андреа спросила:

– Что это с ним? Обострение? Или, может, у него маниакальная фаза?

Андреа, надо сказать, держит меня за сумасшедшего.

А тетя Труди сказала:

– Да у него мигрень!

Тетя Труди считает, что мигрень – наше семейное проклятие. Но из всех нас она единственная, кто ею страдает, поэтому стоит только признаться, что тебя немножко мутит, как она сразу же ставит этот диагноз.

А бабушка сказала:

– Неважно, что там у него, а вот прежде чем укладываться в постель, ботинки надо снять! Ольфус, сними обувь сейчас же!

Для бабушки самое важное – чистота без единой пылинки, у нее просто какой-то бзик на гигиенической почве.

А тетя Лизи прошептала:

– Может быть, Ольфик медитирует?

Тетя Лизи – эксперт в вопросах всевозможных азиатских религий, она в них верует по очереди. И все время снабжает меня какими-нибудь «Введениями» в какие-то «целительные учения».

Потом взяла слово мама.

– Ничего подобного! Просто ему кажется, что его обделили причитающимся ему умом, ведь его воспитывали одни только женщины!

Тут же раздался ор и визг на шесть голосов. Понять, кто и что там орал и визжал, было совершенно невозможно, потому что тетя Фея с громкостью футбольного фаната на стадионе непрерывно причитала «о божечки, о божечки, о божж-жечки!». К тому же я вдруг

почувствовал, как кто-то шарит по моим ногам. Глянув на ноги, я увидел, что бабушка терзает мои шнурки. Этого еще не хватало! Я тут, понимаете ли, демонстрирую масштабы своего кризиса, а старая кошелка только тем и занята, что старается стащить с меня кеды – не дай бог, одеяло запачкается!

И тогда я заорал! Ор – это всегда самое последнее мое средство. И самое действенное. С его помощью я добиваюсь неплохих успехов с тех пор как родился. Просто-напросто раскрываю пасть и выпускаю из себя «первобытный крик» такой мощности, что стены трясутся и люстры качаются.

Раньше, когда я был маленьким, они всё перепробовали, чтобы унять этот мой крик: окатывали холодной водой, гладили, давали подзатыльники, орали в ответ, наказывали презрением, а сестры однажды даже залепили мне рот лейкопластырем. Но я не дал себя сломить!

Со временем они поняли, что бессильны против «первобытного крика», и если пытаться что-то предпринять, он лишь звучит громче и дольше.

На этот раз они тоже все поняли!

Визги и крики в момент замолкли, бабушка отпрыгнула от шнурков, и через десять секунд моя берлога совершенно опустела. Можно было закругляться.

Орать лежа, честно говоря, дольше и не получилось бы, ведь лучше всего орется стоя. Когда стоишь, можно набрать воздуха в легкие до отказа.

В этот день меня больше никто не доставал. Даже когда я намазывал себе на кухне вечерний бутерброд и встретил тетю Лизи с тетей Трудю, они не сказали мне ни слова, хотя обычно хотят всё «обсудить хорошенечко».

На маму я натолкнулся лишь совсем поздно в ванной. Но она чистила зубы и не смогла бы мне ничего сказать при всем желании. Правда, ее затравленный взгляд, брошенный на меня в зеркало, был красноречивее всяких слов.

Сестры отправились в кино, а бабушка – на свою вторичную партию в бридж. Тетя Фея, как обычно, перед сном смотрела телевизор.

Такого классного вечера у меня давненько не было. Никаких тебе «Ольфи, ты сегодня занимался как следует?», или «Ольфик, мы ужасно волнуемся из-за твоей учебы!», или «Послушай, Ольфус, я больше не буду смотреть сквозь пальцы на то, как ты портишь жизнь своей мамочке!»

Заметка из «Новейших исследований в двух словах» сработала как надо!

Только тетя Фея постучалась ко мне незадолго до полуночи, когда я, уже раздевшись, лежал в постели. Услышав мое недовольное «Чего там?», она просунула голову в дверь и быстро проговорила:

– Я только вот что хотела тебе сказать, Ольфичка: когда я была маленькой, отец драл меня и двух моих сестер как сидорову козу – каждую неделю. Выбивалкой для ковров. По заднице и по икрам! Очень я сомневаюсь, что это прибавило нам ума.

И тетушкина голова мгновенно исчезла – как кукушка в старинных часах.

То ли Фея больше ничего и не хотела мне сообщить, то ли ее обратил в бегство вид моего обнаженного юношеского тельца, – это так и осталось тайной, покрытой мраком.

На следующее утро все старательно делали вид, будто ничего не случилось. Мои чудесные откопированные листочки исчезли.

Как обычно, сначала ушли на работу мама и тетя Лизи. Мама всегда подбрасывает тетю Лизи на машине, потому что у той машины нет. Через пять минут отвалили сестры с тетей Трудю. Они ездят на тетиной машине, потому что она намного шикарнее, чем мамин маленький «рено». Потом бабушка – как и каждое утро – лихорадочно металась в поисках ключей

и очков и обгавкала тетю Фею, решив, что та убрала очки и ключи со столика в прихожей. И заодно напомнила мне, чтоб я не копался, а прямиком, не задерживаясь, отправлялся в школу.

Когда бабушка наконец тоже отчалила, я перерыл все корзины для бумаг и мусорное ведро в поисках моих бумажек. Пропали только две – а остальные, смятые и заляпанные грязью и жиром, я развесил в квартире по новой. Тетя Фея опять ковыляла вслед за мной и просила оставить это дело. Особенно она была против листов, которые я выудил из мусорки, потому что на них налипли картофельные очистки и спитые чайники.

Я не обращал на тетины возражения никакого внимания. Мне даже казалось, что изгвазданные листки выглядят еще убедительнее.

Перед тем как наконец-то выдвинуться из дома – без двух минут восемь, с пятнадцатиминутным опозданием, – я строго предупредил тетю Фею. Я сказал ей:

– Фея! Не вздумай и пальцем тронуть мои бумажки! Слышишь? Чтоб ни одна не пропала, пока меня не будет!

Тетя Фея вздохнула и смиренно склонила голову.

Успокоившись, я потопал в школу. На старушку Фею можно положиться! Если уж она кивнула – значит, пообещала и слово сдержит!

Глава 2

Которая повествует о моих отношениях с Солянкой и объясняет – по возможности кратко – мои семейные обстоятельства

Особенно хороших оценок у меня отродясь не было, однако так фигово, что переход в следующий класс висел на волоске, я никогда не учился. Но оставаться на второй год у меня не было ни малейшего желания.

Кому же охота лишний год таскаться в школу?

Кому ж охота привыкать к паре десятков новых одноклассников и полудюжине новых учителей? Дураков нет!

Правда, минимум один плюс во второгодничестве все-таки был – тогда бы я избавился от Солянки!

Солянка восседает прямо за мной, и на самом деле ее зовут Улли Уллерманн. Вот уже девять лет, с самого первого класса, она сиднем сидит за моей спиной, только до этих зимних каникул мне не было до нее никакого дела.

Она была для меня просто пустым местом, эта Солянка – ее так называют потому, что в лыжном лагере она по три раза на дню в качестве допитания разогревала себе кипяtilьником солянку из консервной банки. Еще недавно я ни секунды не задумывался о девчонке, которая сидит позади меня, и если б кто-нибудь попросил перечислить всех девочек в классе, я бы Солянку точно забыл.

Теперь все по-другому. Дело в том, что у меня в классе есть два лучших друга, Гарри и Флориан. Они сидят прямо передо мной – тоже уже все девять лет. Мы втроем – Гарри, Флориан и я – всегда все делаем вместе. Нас так и называют – «неразлучная троица».

И вот в конце января, незадолго до зимних каникул, в лыжном лагере Гарри и Флориан вдруг ни с того ни с сего решили «гулять» с Анеттой и Марион. («Гулять друг с другом» – самое дурацкое выражение, какое я знаю. Но в нашем классе все так говорят, ну и я тоже, хотя на самом-то деле с девчонками не столько гуляют, сколько сидят, стоят или лежат.)

Анетта и Марион – вполне милые девочки. Ничего в них плохого нет – разве что тесная дружба с Солянкой с самого детского сада. И только потому, что мы с Гарри и Флорианом были не разлей вода – а Марион, Анетта и Солянка тоже, – после лыжного лагеря мы повсюду пересекали вшестером. Скоро каждый в классе знал: Вольфганг гуляет с Солянкой!

Мне бы уже и этого позора хватило! Но еще позорнее то, что и сама Солянка была в этом свято уверена. Когда мы после уроков сидели в какой-нибудь небольшой кондитерской и Анетта накрывала своей рукой руку Гарри, а Марион склоняла голову на плечо Флориану, Солянка тут же распластывала свою лапищу на моей руке и пристраивала свою тыкву на мое плечо.

Понятное дело, я мог бы в два счета положить этому конец! И я даже чуток сопротивлялся. Но у Солянки – ноль чувствительности и склонность все понимать по-своему, потому что мозгов у нее не больше, чем у воробья. Она считала меня жутко застенчивым, сказал мне Гарри, который узнал это от Анетты.

Ясный пень, я уже давно понял, что спасти меня может лишь полное и окончательное бегство! Но я хотел быть вместе с Флорианом и Гарри, а те были настолько одержимы своими красотками, что без них никуда не выходили, а девчонки, в свою очередь, не расставались с Солянкой.

Где-то в середине апреля я со всем этим худо-бедно как-то смирился. И уже раза три Солянку поцеловал. А это вам не шуточки! Конечно, если б было по-моему, я бы ее даже не обнимал – ну, а куда деваться?

Целованье случалось каждый раз после кино.

Мы вшестером шли по аллее домой – все парочками. А потом Гарри и Анетта тормозили под какой-нибудь акацией и целовались, под следующей устраивали привал Флориан и Марион и повторяли все за Гарри и Анеттой, а под третьим деревом как вкопанная останавливалась Солянка и тарасилась на меня своими овечьими глазами. Я судорожно нес что-то про звездное небо, искал Большую и Малую Медведицу, трепал о том, что у астрономии и астрологии нет ничего общего, а Солянка придвигалась все ближе и теснее и хотела, чтоб с ней проделали все то, что и с ее подружками под двумя другими акациями.

В конце концов, она же была не виновата в том, что я ее не любил. Чувствовать себя нелюбимой – хуже для девчонки нет. Это я знаю от своих сестер. Они могут прореветь целую ночь, если объект их притязаний не обращает на них внимания. Могут даже возникнуть мысли о самоубийстве – вот как!

Так что поцелуями под акациями я занимался исключительно и только из человеколюбия и любви к ближнему.

О том, что чувствовал я себя полным идиотом, даже и говорить нечего.

Одним глазом я то и дело косился в сторону других деревьев, чтоб не упустить момент, когда там уже закончат обниматься. Чуть только Гарри или Флориан прекращали свои брачные танцы, я с облегчением отодвигался от Солянки.

Положеньице было поганое – но я терпел. Самое мерзопакостное началось, когда Гарри и Флориан – опять-таки по совершенно непонятным для меня причинам – в пух и прах разругались с Анеттой и Марион. Между ними все было «кончено». Марион и Анетта стали гулять с Густлом и Оливером, а Гарри и Флориана больше не удостаивали ни словом, ни взглядом. Ну, разве что иногда шипели им «идиоты», а Гарри или Флориан цедили в ответ «коровы».

Когда я заметил, что романы моих друзей дышат на ладан, я возликовал. Но ликование продолжалось недолго, потому что после заключительной ударной ссоры Солянка встрети-лась со мной в кондитерской и заявила с затуманенным взором:

– Вольфи, поверь, это не изменит моей любви к тебе! Нам ведь никто на свете не нужен! Анетта и Марион, ясное дело, будут на меня дуться, но наша любовь мне важнее детской девчачьей дружбы! Если они такие дуры и не понимают этого – ну и ладно!

Ну вот попробуй скажи на это что-нибудь – и я потрясенно промолчал!

Гарри и Флориан советовали мне просто, без долгих разговоров, порвать с Солянкой. Но я же не хотел быть таким монстром! И кроме того, Солянка на этом вряд ли бы успокоилась!

Я спросил совета у сестры Дорис, потому что она настоящий дока в том, что касается запутанных любовных отношений. Дорис сказала мне: не вздумай нанести бедняжке Улли такую душевную травму! Если у девушки с первой любовью случится облом, это может привести к фатальному пожизненному страху перед любовными отношениями. Аккуратно, очень-очень аккуратно нужно дать Улли понять, что между вами все кончено.

Самый гуманный вариант, советовала Дорис, подождать, пока Улли Уллерманн воспылает любовью к какому-нибудь другому мальчику. Первая любовь никогда не длится вечно, утешила меня сестра. Самое позднее после летних каникул все прекратится само собой.

Идея Дорис мне даже чем-то понравилась, но бездействовать и страдать до каникул я не хотел. К тому же я не был на сто процентов уверен в том, что Солянка самое позднее летом подарит свое сердце кому-нибудь другому, потому что она уже много раз гордо сообщала, что для нее «абсолютная верность на веки вечные» превыше всего.

Поэтому я решил найти кого-нибудь, кто возьмет на себя Солянку, – ну, чтобы она побыстрее вспылала к нему любовью. Гарри и Флориан наотрез отказались, хотя я и умолял их помочь. Сепп и Йо – два героя-любовника нашего класса – отпадали сразу: Сепп и внимания не обращает на тех, кто выглядит как Солянка, ему по вкусу только высокие блондинки, а Йо – любитель кого помоложе, он всегда выискивает себе зазноб в шестых классах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.